

Напишу природе оду – пока не лень

ОБРАЗ ЖИЗНИ

«Завтра иду читать Ахматову учителям. Выбрала 30 стихотворений. Буду немного подглядывать – что за чем. Да как бы прочитав и не заплакать! Надо будет сердечных побольше выпить. В субботу внуки пригласили меня с подругами в кафешку – что-то там затевают. В воскресенье соседней надо позвать, а в понедельник – в школу, там соберутся коллеги. Не помереть бы мне от такого юбилея, – с весёлой истринкой в глазах рассказывала о том, как будет встречать свой 90-й день рождения старейшая учительница 37-й школы Инна Степановна Полещук. И продолжает: – Не люблю я дни рождения, а уж эти 90 лет вообще бы под кроватью встретить потихонечку».

Для кого-то, наверное, долгие годы – нелёгкая ноша: поликлиники, болезни, лекарства. Но не для Инны Степановны. С первой фразы понятен рецепт её молодости: юмор, ум, доброта. А это три инфаркта за плечами – с кем не бывает. Фраза за фразой, и понимаешь – перед тобой не почтенная дама, а школьница-хулиган. Вот уж точно: с кем поедёшься. Вся жизнь Инны Степановны – с детьми и для детей. Школьников учила русскому языку, своим внукам писала стихи. Так и получилось, что прожила две жизни. Одну – учителем. Другую – детским поэтом. Может быть, Господь и отпустил ей столько, чтобы всё успеть?

Воспоминания детства – самые тяжёлые. От них и сейчас в её глазах наворачиваются слезы. Юмор не спасает, слишком больно. Нет, её не ругали, не били. Просто в семье оказалась чужой. Родной отец, революционер, умер рано, а в доме завладел нелюбимый отчим. И в школу отдала не вовремя, и хоть жила без единой четвёрки, пришлось пойти на рабфак.

Вместе с Инной училась там девушка из НКВД, помогла устроиться на работу. А уж потом, работая, поступила и в институт, откуда вышла. Байкал, Иркутск, Новокузнецк – далеко от Ярославля прошли юные годы. Когда кому предложили из нескольких городов выбрать место дальнейшей службы, решили, поедут в Ярославль.

И для Инны Степановны тоже началось время службы. Учительство, особенно тех лет, правильнее называть слушанием, а не работой. Кроме уроков русского языка и литературы вела уроки по искусству. Она решила, что детям это необходимо, в учебной программе этого не было мировой культуры, а значит, такие уроки и не давались. Седьмые классы – зарубежное искусство, восьмые – русское. Все годы работы в театральной студии. Учи-

ли её давно сами стали бабушками и дедушками, а те уроки по искусству помнят. А Инна Степановна с особым удовольствием вспоминает ту особую рабочую атмосферу, которая была в родной 37-й школе.

– Я говорю завучу Валентине Николаевне: «Я ставлю за четверть Кате по литературе «2». Она мне: «Ну, так уж и «2»! Подожди, я её ещё сама поспрашиваю». И на следующий день: «Что это ты придумала – «2»? Да она мне 40 читат из Грибоедова наизусть рассказала. Эк, разошлась, никакой двойки».

У кабинета всегда сидели ребята – что-то сдавали, пересдавали, просили объяснить непонятное. Это было нормально, когда работа продолжалась и после уроков. А как умела Инна Степановна убедить ребят тренировать память заучиванием стихов наизусть! Из личного опыта знала, насколько это полезно для развития не только памяти, но и мышления.

– Кто выучит «жемчужину русской литературы» «Мцыри» наизусть – получит «отлично» за четверть при любых предыдущих оценках. Этим и купила. Не ожидала, что самый тихий троечник, к радостному изумлению всего класса, прочитает без запинки «Мцыри» от начала до конца, – вспоминает учительница.

Слово надо держать: пришлось украсить журнал пятёрками – по одной за каждые два столбца.

– Я не знаю, как установить ребёнку правильную русскую речь, если не читать классику, – говорит Инна Степановна. – Мне страшно смотреть, что сейчас происходит с русским языком. И тем страшнее, что не какие-то мальчишки на улице говорят, а чёрным по белому на телеэкране: «Качай клёвый хит на свой сайт». Хорошо, что Ахматова этого не видит.

Может быть, кому-то покажется странным такой ход мыс-

Фото Анны СОЛОВЬЕВОЙ.

ли бывшей учительницы. Но не тем, кто её хорошо знает. Она любит каждое ахматовское слово. По великой поэтессе меряет свою жизнь, по ахматовскому слову – современный русский язык. И вслед за ней утверждает, что русский язык – это и есть наша жизнь:

– Ахматову обвиняли, что даже в военных стихах «Мы знаем, что ныне лежит на весах...» она писала не о советской Родине, а о русском языке. Помните: «Мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!.. От плена спасём, и внукам дадим – навеки!» Где это – навеки? Как можно не понимать, что язык – это и есть Родина?

Вместе с пенсионным возрастом в жизнь Инны Степановны вошли внуки. Здоровья для школы уже не хватало, и всю душу отдала своим Машкам – Николашкам. Важнее, чем «покорить – погулять», было правильно воспитать. Правильно – значит, честными людьми. Ещё очень хотелось передать свою любовь к природе, красоту которой сама она научилась видеть и ценить с детства. И пошла детские стихи.

*Остороженько из почки
Выбираются листочки,
Расправляют складки,
Потягиваясь сладко:
Долго-долго мы во сне
Тосковали о весне.
Ах, как солнышку мы рады
Лучше нет для нас награды.*

Чистые, как капелька росы, прозрачные, как лесная осенняя паутинка, нежно звенящие, словно полевой колокольчик. Каждое слово любит природу и аккуратно настраивает на любовь детскую душу. Инну Степановну называли ярославской Агнией Барто, её книжки выходили немалыми тиражами в Верхне-Волжском книжном издательстве, по ним ярославские малыши учились любить родной край. К сожалению, теперь эти стихи можно прочитать только у автора – они давно не переиздавались.

И в какие двери Инна Полещук ни постучится – везде не до неё. В детских отделах книжных магазинов – горы современной яркой макулатуры. Но такие книги не годятся для чтения детям, они только для получения гонораров бездарными авторами. Вот поэтому и обращается Инна

Степановна то к одним, то к другим – возьмите, напечатайте. Ей гонорары не нужны, за родную природу и родной язык всю жизнь душой болеет.

– Хочу «прорваться» к нашему мэру. Но никак не пропускают. Три года у них стихи пролежали – всё обещали издать книжку! А я-то, глупая, верила, что издадут и подарят в детские сады, как просила! Видно, пока таких работников по темечку не стукнут, ничего делать не хотят! – в своей шутивно-хулиганской манере объясняет Инна Степановна.

Мне до «хулиганства» автора далеко, но я её вполне поддерживаю. Таких стихов сейчас ищи – не найдёшь, а здесь сам поэт «приносит на блюдецке» и денег не требует. Инна Степановна – поэт настоящей. Спрашиваю её: из чего получаются стихи?

– Из любви и ненависти, – говорит поэтесса. – Люблю природу и ненавижу людей, которые её губят. А рождаются стихи по-разному. Вот как-то сижу, делаю пирожок. И вдруг – с потолка падает: «Головастики спешат превратиться в лягушат». Оставила пирожок, пошла записала. И всё остановилось. Пошла делать пирожки дальше. Думаю, нет, надо закончить. Когда не «падает с потолка», садишься за стол и ищешь. Иногда ночь сидишь, пока найдёшь. И такое счастье! Помню, один поэт рассказывал: «Напишешь вечером стихи, хочешь открыть форточку и крикнуть: «Люди, гений родился! А утром встанешь – какой дурак это написал?».

Стихотворение, которое «упало с потолка» приняло такой вид:

*Головастики спешат
Превратиться в лягушат:
Только вышел из икры –
Уже самостоятельный.
Тут совсем не до игры,
Милые приятели.
Разыгрался аппетит?
Не съест бы что не надо,
Ведь никто не запретит –
Мамы нету рядом.
Да тебя бы кто не съел!
Ах, как много трудных дел.*

Стихи «падают» только в голы настоящих поэтов – вот главное отличие. Если этого нет, лучше и не писать. «Вымучивать» из себя стихи нельзя, особенно детские.

К счастью, стихи её не оставили, даже когда выросли внуки. Но одних стихов энергичной Инне Степановне было мало.

– Чтобы жить, надо постоянно себя чем-то занимать. В 70 лет я поехала работать в Заячий Холм, в школу, – делится она своим рецептом долголетия. – Там тетрадей поменьше провешивать, моё зрение уже большими нагрузками не выдерживало. Проработала шесть лет. Там можно было поэкспериментировать – по-своему давала тему «Причастия», рассказывала, как сказку. Получалось понятнее и проще, и никогда мои ребята в причастиях не ошибались. Да и каких только у меня увлечений не было за эти годы! Сухие букеты делала, разводила гладиолусы. Стала ходить читать Ахматову таким же старушкам, как я. А теперь ещё на свои деньги печатаю сборники детских стихов.

Ответ на вопрос: что такое счастье – даже искать не стала, отшутилась:

– Ой, не знаю. Спросите, что полегче.

Зато Учитель и в свои 90 хорошо знает, что сегодня всего нужнее детям:

– Надо с раннего возраста развивать память, мыслительные способности. Нельзя надеяться на умные машины, иначе мы ничего больше не будем изобретать. В школе надо будить мысль, а не загонять ребёнка в схемы и тесты. Надо избавляться от иностранщины в языке, опасно терять свою речь.

Завидное глубокомыслие. Совет Инны Степановны – учить наизусть хорошие стихи, русскую классику – вполне можно брать на вооружение. Если и мечтать о долголетию, то только о таком – в светлом разуме.

– Больше всего боюсь незаметно для себя превратиться в дурака. Это когда все будут замечать, что ты – дурак, а сам – уже нет.

И от этой боязни она продолжает учить те стихи, что ещё не успела выучить за 90 лет. Но пока ей можно быть совершенно спокойной. Строчки продолжают «падать с потолка», а они, как известно, куда попадо не падают.

*Плетусь в просящей позе,
Но рада, что жива.
Давно почил в бозе
вся дружная братва.
А я варю обеды,
таскаюсь на базар.
Меня минуют беды –
Ведь это ж Божий дар!
Благодарю природу
за каждый Божий день.
Я напишу ей оду,
Пока писать не лень.*

Марина ШИМАНСКАЯ.